

перефразируют вопросы, задававшиеся по поводу границ репрезентации Холокоста²⁵. Однако, как и в случае с Холокостом, отказ от широкой контекстуализации вовсе не является безупречным решением ни в моральном, ни в сугубо научном плане. Хотя статьи двух сборников слишком разнообразны, чтобы их можно было однозначно отнести к образцам «классической» или «романтической» эстетики, вопрос о соотношении близости и дистанции при рассмотрении границ и пересекающих их людей так и остается нерешенным²⁶.

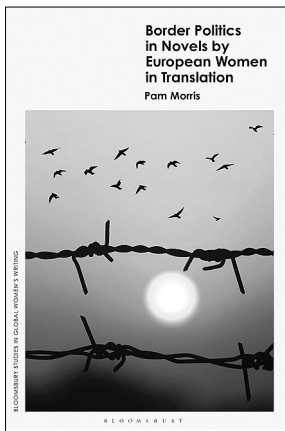
Анна Стогова

Поток, сметающий преграды?

DOI: 10.53953/08696365_2025_193_3_340

Morris P. Border Politics in Novels by European Women in Translation.

London; New York; Dublin: Bloomsbury Academic, 2024. — VIII, 215 p. —
(Bloomsbury Studies in Global Women's Writing).

Если совместить критическую теорию с литературоведением, в фокусе внимания окажется письмо как действие и социально-критическое значение порождаемых литературой нарративов, даже (или особенно) если этим нарративам нет места за пределами литературного вымысла. Именно с такой позиции организовано исследование британской специалистки по современной литературе и представительницы феминистской литературной критики Пэм Моррис «Политика границ в переводных романах европейских писательниц». Объектами рассмотрения являются политика разграничения и нарративы, создаваемые современными писательницами ей в противовес. И для самих романисток, и для Моррис, основывающей на их историях собственное повествование о литературе как о прост-

ранстве контрнарративов, политика границ является одной из наиболее болезненных и проблемных составляющих современной культуры. Исследовательница предлагает социально и политически ангажированное рассмотрение как литературного творчества, так и интерпретации художественного текста.

25 См.: Probing the Limits of Representation: Nazism and the "Final Solution" / Ed. by S. Friedlander. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992.

26 Материал подготовлен в рамках проекта Минобрнауки РФ № 075-15-2024-537.

В книге анализируются одиннадцать романов конца 1980-х — 2010-х годов; их авторы — писательницы из разных стран, связанных с европейской культурой (в ряду произведений есть и книга турецкой романистки):

- «Хвали день к вечеру» (2012) Дженни Эрпенбек (Германия),
- «Веди свой плут по костям мертвецов» (2009, рус. пер. 2020) Ольги Токарчук (Польша),
- «Лучше бы я себя сегодня не встречала» (1997) Герты Мюллер (Румыния),
- «Молочник» (2018, рус. пер. 2019) Анны Бёрнс (Северная Ирландия),
- «Фата-моргана»/«На улице Черных сестер» (2007/2010) Чики Унигве (Нигерия/Бельгия)¹,
- «Чинить живых» (2014, рус. пер. 2015) Мейлис де Керангаль (Франция),
- «Дверь» (1987, рус. пер. 2019) Магды Сабо (Венгрия),
- «Моя гениальная подруга» (2011, рус. пер. 2016) Элены Ферранте (Италия),
- «Невеста Ахиллеса» (1987) Алки Зеи (Греция),
- «Стамбульский бастард» (2007, рус. пер. 2022) Элиф Шафак (Турция),
- «Музей заброшенных секретов» (2009, рус. пер. 2013) Оксаны Забужко (Украина).

Все писательницы были удостоены международных литературных премий, их произведения переведены на многие языки, к тому же некоторые авторы и сами полиязычны; *translatio* — перемещение, перевод, преодоление границ — есть способ публичного бытования созданных ими романов. В этом бытовании важно не только сопротивление языковым барьерам непереводимостей, но и то, что жизнь произведений, как и жизнь людей, протекает вопреки границам — в данном случае политическим, языковым, культурным и историческим. Моррис предвзряет анализ каждого текста кратким (и в силу этого несколько односторонним) обзором историко-политической ситуации, значимой для автора или для описываемых событий. Сам акт творчества — наряду с создаваемым в нем нарративом — она трактует как акт сопротивления, преодоления навязанных автору в ее собственной жизни границ, иерархий и оппозиций. При этом вышедший за рамки культурных и социально-политических обстоятельств, его породивших, роман прочитывается и получает признание в другое время, в иных странах и политических контекстах.

Свой способ прочтения Моррис также определяет сквозь призму болезненного переживания навязывания границ, разрушающих сложившиеся связи и идентичности, — имея в виду брексит, выход Великобритании из Евросоюза, — и потребности в сопротивлении самой политике их навязывания. А ко времени выхода ее книги, как отмечает автор, разразилось сразу несколько новых вызывающих всемирный резонанс конфликтов, связанных с выстраиванием, изменением и усилением гендерных, религиозных, этнических и политических границ, которые будут определять уже опыт прочтения самого этого исследования. Итак, объектом критического рассмотрения становится политика выстраивания границ — политических, социальных, лингвистических, понятийных и любых других, — основанная на их постоянном воспроизведении и переустановлении, на разделении и противопоставлении в ущерб связанности. Во «Введении», основанном на анализе творчества еще одной европейской писательницы, Вирджинии Вулф, Моррис раскры-

1 Чика Унигве пишет на голландском и английском языках. Роман был написан по-английски, но впервые опубликован в неавторском переводе на голландский под названием «Фата-моргана» (2007). Лишь три года спустя он вышел в оригинальной версии под названием «На улице Черных сестер» (2010).

вает основания и ключевые свойства любой подобной политики и рассматривает ее возможные альтернативы, обнаруживаемые в литературном творчестве.

Центральной для исследования является оппозиция, сформулированная автором при анализе творчества Вулф, между силами, которые навязывают миру порядок, разделение и категоризацию, с одной стороны, и силой физической связанности, неуправляемого смещения и преодоления барьеров — с другой (с. 2). Как и главных своих героинь, Моррис помещает Вулф в контекст — активной колониальной политики Великобритании, Англо-бурской войны, Первой мировой, острых социальных конфликтов, — подчеркивая, что, невзирая на отличия в историко-культурном опыте, с писательницами из других стран, живущих в конце XX — начале XXI века, ее роднит такое видение жизни, в котором любые границы расцениваются как искусственные, навязанные ради обоснования доминирования, осуществляемого путем конфликта и противостояния.

То, что все анализируемые романы написаны женщинами, совершенно не случайно: в этом единстве авторов гендер играет важную, если не главную, роль. Стремление не просто описать ужасы войны, но и пошатнуть авторитет идеи, что борьба и доминирование являются неизбежной частью жизни, приводят к размышлениям о природе самых обыденных, бытовых границ и иерархий и о принципах, на которых основано мужское доминирование. Моррис выделяет два основных дискурса о войне. Первый связан с восходящей к Томасу Гоббсу идеей «войны всех против всех» как формы существования человечества после изгнания из Рая; второй — с образом богоугодного крестового похода во имя установления справедливости и порядка. Они легко могут соединяться, превращая установление порядка повсюду в высшую миссию общества и его правителя. При этом исследовательница обращает внимание (хотя и не вполне корректно), что в рамках представлений о том, что каждый человек стремится воевать со всеми, «единственная возможность избежать такого зверского существования заключается в подчинении абсолютному правлению могущественного человека/мужчины (map. — A. C.), названного Гоббсом Левиафаном» (с. 3–4). Это замечание неслучайно. Выявляя социальные механизмы, позволяющие обосновывать подчинение одних и доминирование других как непреложный божественный или природный порядок в противовес эгалитаристскому ощущению общности и единства человечества, Моррис вслед за Вулф обнаруживает их исходную точку в выстраиваемом различии свойств мужчин и женщин, которое с самого рождения заставляет верить в то, что первый имеет право властвовать, а вторая обязана подчиняться. В мире, где дарвиновские законы борьбы за выживание приняты за естественные, доминирование мужчин как более сильных (и применяющих или проявляющих силу) существ не только видится закономерным и неоспоримым, но и создает паттерны для любых других видов социального неравенства как естественного порядка. Исследовательница обращает внимание на то, что почти все выбранные ею романы вскрывают навязанный характер мифа о мужском превосходстве и его необоснованность, то есть отсутствие у конкретных людей тех самых качеств, что предписаны этим мифом.

Последнее противоречие приводит Моррис к размышлениям о том, что подлинным принципом, на котором основано гендерное и прочие неравенства является не физическая сила, а дихотомия тела и разума, которая может использоваться прямо противоположными способами. Телесная сила мужчин детерминирует их интеллектуальное и социальное превосходство, а физическая слабость женщин экстраполируется на их ментальность и эмоциональность. При этом в контексте расового неравенства большая физическая сила чернокожих мужчин, напротив, интерпретируется как свидетельство низкого интеллекта и близости к животному миру. В обоих случаях разделение души и тела обеспечивает естественную границу,

отделяющую один пол от другого или человека от животного и легитимирующую иерархии превосходства, различия в правах, сферах деятельности, заработной плате и т.п.: «Социальные и культурные представления о разделении тела и души, в отличие от физической реальности, поддерживают и увековечивают некоторые из самых мощных структурных разделений, которые узаконивают иерархию ценностей, право властвовать и наказывать» (с. 8). Более того: тело, воспринятое отдельно от души и ума и тем самым обезчеловеченное, больше воздействует на воображение, нежели на разум. Грязное, лишенное целостности, больное тело порождает примитивный ужас отвращения, рассматриваемый Моррис (в свете рассуждений Юлии Кристевой²) как формирующий одну из самых несокрушимых границ, задействованных в выстраивании расовых, национальных, гендерных, классовых и других иерархий. И напротив, сепарированность тела и разума позволяет также создавать воображаемые идеальные тела, воплощающие нацию, класс и т.п. Политические дискурсы побуждают индивидов ощутить себя частью идеального коллективного тела, ради сохранения которого им якобы следует принести в жертву собственные несовершенные тела и жизни.

Таким образом, политика границ анализируется Моррис с точки зрения не войны и господства, а лежащих в их основе различных способов категоризации индивидов и сообществ, которые натурализуют и оправдывают практики господства и неравенства. И в первую очередь иерархическое восприятие социальных отношений видится как обусловленное способами восприятия тела, «которые возвышают разум над материальностью плоти» (с. 12). Такая политика вездесуща, она проявляется не только в конфликтах мирового масштаба, но и в домашнем насилии, бытовой дискриминации и т.д., и основная задача Моррис заключается в том, чтобы указать на ее возможную альтернативу. Выбранные для анализа романы и изложенные в них истории людей, принадлежащих к разным культурам, интересны ей потому, что, собранные вместе, они составляют иной нарратив, предлагают другой способ видения, о значимости и востребованности которого свидетельствуют полученные авторами литературные премии. Ее анализ литературных особенностей текстов направлен на выявление и демонстрацию этого общего для них инклюзивного способа видения разных систем отношений, в котором различие воспринимается не как вражеская граница, а как равноправная, соопределяющая часть большого целого, а связанность, взаимозависимость и взаимодополняемость преодолевают искусственные иерархические разделения.

Эти предварительные рассуждения задают оптику, в которой рассматриваются романы, и одновременно подготавливают читателя к тому, как построен сам анализ. На первый взгляд для исследования, направленного против бинарного мышления, политики разграничения и категоризации, книга Моррис имеет довольно жесткую структуру. Романы разбиты на пары, распределенные по пяти главам, посвященным тому или иному кругу проблем. В первой главе («Боги жертвенности») обсуждаются романы Дженни Эрпенбек и Ольги Токарчук, в которых для тирании выдуманных идеалов исключительности, разделяющих человечество и принуждающих к жертвенности, противостоят уравнивающая всех материальность жизни, уязвимость и взаимозависимость, вопреки разным границам связывающая людей друг с другом, с животными, вещами и т.п. Именно в этих романах язык представлен не как знак исключительности национальной или интеллектуальной культуры, а как система коммуникации поверх границ — благодаря переводу на другой язык, обращению авторов к различным интеллектуальным тради-

2 См.: Кристева Ю. Силы ужаса: эссе об отвращении / Пер. с фр. А. Костиковой. СПб.: Алетейя; Харьков: Ф-Пресс, 2003.

циям, позволяющим читателям увидеть текст, порожденный чуждой культурой, как родной и близкий.

Во второй главе («Границы паранойи»), посвященной книгам Герты Мюллер и Анны Бёрнс, на первый план выходит проблема коллективных верований, обеспечивающих индивиду ощущение причастности, достоинства и справедливости, но одновременно формирующих иллюзорную реальность, которую люди всячески оберегают, пытаясь для этого подчинить, дисциплинировать реальность подлинную, включая самих себя, чтобы приблизить ее к мечте. Таким образом, даже идеалы свободы начинают требовать авторитарных методов — для поддержания иллюзий. Эта проблематика прочитывается Моррис через призму рассуждений Ханны Арендт о тоталитаризме³, самое страшное в котором, по мысли Арендт, почти полное отсутствие возможности мыслить иначе, вне категорий «параноидального» вообразаемого социального и политического мира власти. Именно на этих возможностях самого разного толка — от умения подмечать не отвечающие идеалу детали жизни до женской солидарности, — выступающих в анализируемых текстах как пространства свободы, и фокусирует свое внимание исследовательница.

Проблематикой тела и его значения для идентичности человека объединены роман Чики Унигве о нигерийских девушках, вывезенных в Антверпен для работы проститутками, и роман Мейлис де Керангаль о пересадке сердца погибшего серфингиста, рассматриваемые в третьей главе («Тела без границ»), центральной с точки зрения композиции книги. Моррис обращается к ключевому из сформулированных во «Введении» тезисов о несводимости человека к его телесному воплощению и о том, что тело, вроде бы определяющее физическую сепарированность индивида, вовлечено в целую сеть отношений, заставляющих переосмыслить его сингулярность. Схожее оспаривание замкнутости и отграниченности, но уже на уровне больших сообществ автор обнаруживает и в книгах Магды Сабо и Эллены Ферранте (глава «Двери в класс и в культуру»).

Последняя пара романов служит материалом для рассуждений о границах национальной идентичности, в контексте которой и ненависть, и миф о национальных героях являются результатом дискурса об исключительности. В посвященной этому вопросу главе («Легенды о героях, наследие ненависти») анализируются романы Алки Зеи и Элиф Шафак, в которых затронуты болезненные и неоднозначные (в перспективе Моррис) аспекты национальной истории; в первом случае это борьба Греции за национальное освобождение, во втором — сложное переплетение историй армянской и турецкой семей в Стамбуле. К этой проблематике примыкает и «Музей заброшенных секретов» Оксаны Забужко, отдельно рассматриваемый в завершающей главе. Эта глава и «Введение» служат обрамлением для анализа фикциональных нарративов, возвращающим читателя в актуальное политическое пространство, в котором бытуют уже сами произведения — не только художественные, но и политические высказывания.

Столь четкая, выверенная структура работы с последовательным анализом одного текста за другим может вызвать сомнения, особенно если учесть, что пары намеренно составлены из романов, сильно различных с точки зрения культур, к которым принадлежат их авторы (немецкая и польская писательницы в первой главе, греческая и турецкая — в последней и т.п.), или с точки зрения их сюжетов. Казалось бы, основной идее исследования лучше соответствовало бы свободное связывание всех текстов в рамках того или иного аспекта проблемы. Однако по мере чтения книги Моррис выявляется множество нюансов, исподволь подрывающих идею

3 См.: Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. И.В. Борисовой, Ю.А. Кимелева и др.; под ред. М.С. Ковалевой, Д.М. Носова. М.: ЦентрКом, 1996.

четких границ, так же как в анализируемых художественных произведениях обнаруживается общая ткань жизни, существующая вопреки барьерам и преодолевающая их. Все главы построены по единому принципу: берутся два романа, каждый помещается в свой исторический контекст, в свете которого затем анализируется. Однако при этом каждая глава написана чуть иначе, чем остальные: где-то есть общее введение, а где-то — заключение, где-то выделенные разделы подчеркивают различие, а где-то — единство. Например, одна из подглав первой главы называется «Пересечение границ», а другая — «Возвращение границ»; во второй главе каждому роману отведена подглава с одинаковым названием — «Пространства свободы». Избираемые исследовательницей контексты тоже не однородны, они по-разному соотносятся с автором и произведением. Так, если роман Унигве прочитывается во вполне ожидаемом контексте колониализма и работорговли, то произведение француженки Керангаль, повествующее о французском же серфингисте, чье существование поддерживается медицинскими аппаратами, пока решается вопрос с донорским сердцем, неожиданно также помещается в постколониальную проблематику, связанную с южноафриканским пионером в области трансплантологии сердца Кристианом Барнардом. Эта текучесть, подвижность с виду жесткой структуры, сближение того, что кажется противопоставленным, размывающее выстроенные самой исследовательницей нарративные границы, представляет собой одну из самых интересных особенностей работы.

Однако если подойти к книге не как к сумме рассуждений, а как к составленному определенным образом высказыванию, то возникает ряд вопросов — и некоторая неудовлетворенность. Проблема перевода как преодоления границ, выдвинутая на первый план в сложно построенном заголовке «Политика границ в переводных романах европейских писательниц», не находит отражения в том, как сама Моррис работает с выбранными ею текстами. Если роман изначально написан не по-английски, она имеет дело с английским переводом, что вполне понятно, учитывая культурное и языковое разнообразие авторов. Моррис старательно указывает в сносках имена переводчиков, но никак не проблематизирует тот факт, что работает с текстом, уже преодолевшим культурные и языковые границы. Что именно происходит с текстами, разрушающими эти барьеры, какой ценой дается такое преодоление? Все вопросы культурного перевода, которые обсуждались так много, что даже заслужили название «переводческого поворота», и которые упоминаются во вводной части исследования, совершенно выпадают из той оптики, которую выстраивает Моррис. Даже такие простые вещи, как смена имени собственного и, следовательно, в какой-то мере идентичности, — как у произведений («Фата-моргана»/«На улице Черных сестер», «Я бы предпочел не встречаться с собой сегодня»/«Встреча»), так и у героев (скажем, в английском переводе романа Керангаль серфингист, чье еще живое тело является «главным героем» повествования, сменил фамилию с Лимбре/Limbres на более «французскую» для англоязычного читателя Лимбо/Limbeau), — не комментируются и не учитываются. А объясняя, почему при такой проблематике ее выбор ограничен европейскими писательницами, Моррис естественным образом, без каких-либо комментариев принимает гегемонию английского языка как средства межкультурного общения (с. 18). Оригинальные издания изучаемых ею произведений выпадают из поля зрения — не только не анализируются, но и вовсе отсутствуют как не имеющие значения в мире, где языковые границы должны преодолеваться, и не упоминаются даже в сносках.

Это невнимание связано с другим досадным обстоятельством: рассуждение Моррис о преодолении границ, о взаимозависимости и взаимосвязанности парадоксальным образом выглядит очень одиноким — изолированным от тех тради-

ций, в которых проблематизировалась идея границ, в том числе тех, которые сама Моррис называет ключевыми: национальных, расовых, гендерных и т.п. Так, во «Введении», где сформулированы основные критические положения о границах и их культурной обусловленности, помимо литературных произведений и гоббсовского «Левиафана», она ссылается лишь на пять критических исследований очень разного характера, принадлежащих Маргарет Макмиллан, изучающей наследие Гоббса, политическим философам Ханне Арендт и Жаку Рансьеру, Юлии Кристевой и Марине Уорнер — специалисту по политике перевода. Эта исключительность рассуждений, возможно, тоже намеренная, во всяком случае, не вводящая никаких противопоставлений в силу игнорирования усилий других авторов, рассуждающих о близких Моррис проблемах, «естественным» образом воспроизводит границу, тоже не раз обсуждавшуюся, — границу дисциплинарного знания и языка описания, в данном случае тех, что имеют отношение к традиции литературоведения. Хотя Моррис и обращается — преимущественно для восстановления контекста бытования того или иного романа — к работам историков, психоаналитиков, философов и т.п., эти обращения отрывочны и порой производят впечатление случайных, что несколько портит впечатление от книги.

Впрочем, все это имеет значение, если читатель оценивает книгу в рамках — или границах — академического знания, правила построения которого (как известно, не гарантирующие «научного» результата) разрушаются, часто вполне намеренно, в поле феминистской критики, в котором работает Пэм Моррис, являющаяся к тому же независимым исследователем. «Политика границ...» издана в серии издательства «Блумсбери», посвященной мировому женскому литературному творчеству и нацеленной на демонстрацию и изучение его многообразия. С точки зрения содержащейся в ней критики социально-политической действительности книга Моррис представляет собой интересно построенное и достойное внимания высказывание, задающее важную перспективу для оценки очень разных текстов.

Сергей Коретко

Антиномии девианта:

**МАРГИНАЛЬНОСТЬ КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ,
ФИЛОСОФСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА**

DOI: 10.53953/08696365_2025_193_3_346

**Баньковская С.П. Чужаки и границы: исследования
по социологии маргинальности.**

СПб.: Владимир Даль, 2023. — 301 с. — 500 экз. — (Архив политической мысли).

«Чужаки и границы» Светланы Баньковской посвящены, пожалуй, одной из самых острых проблем современного мира — проблеме маргинальности и пограничности. Хотя автор работает преимущественно в поле социологической теории и социаль-